

И.В. Ковтун
Россия, Кемерово
Институт экологии человека
ФГБНУ ФИЦ УУХ СО РАН

Клинковое оружие сейминско-турбинских группировок

1. В 2014-2015 гг. в научный оборот была введена серия дат по ¹⁴C [Марченко, Молодин, Гришин, Орлова, 2014, С. 464-466; Молодин, 2015, С. 105; Marchenko, Orlova, Panov, Zubova, Molodin, Pozdnyakova, Grishin, Uslamin, 2015, P. 598, Tab. 1; P. 599, Fig. 3, 2], позволяющих переосмыслить изложенные ранее представления [Ковтун, 2013, С. 322-325] о генерации и хронологии оригинальных кинжалов из могильника Сопка II (Сопка-2/4Б, В). Культурно-хронологической переоценке подлежит и типологически аналогичная сопкинским изделиям серия алтайских и центральноазиатских кинжалов, в т.ч. и с фигурными навершиями.

2. Появление особого типа кинжалов у кротовского населения Барабы соответствует исторической логике аналогичного процесса у всех сейминско-турбинских сообществ. Сочетание технологии литой «слепой» втулки и «рёбер жёсткости», олицетворяющих сейминско-турбинскую металлургическую традицию, воплощено в триаде бронзовых изделий с условным грифом «Три “К”»: кельты, копья и клинки. Но не кельты и копья, а именно клинковое оружие, главным образом, выступает символом и индикатором этнокультурного своеобразия сейминско-турбинских группировок. Каждой культурной группе или мультикультурному сообществу металлургов, отнесённых к сейминско-турбинскому феномену, наряду с утилитарными формами, присущи и оригинальные типы клинкового оружия: статусных ножей и / или кинжалов, чаще со скульптурным навершием. Такие клинки собственно сейминско-турбинского облика представлены выгнутообушковыми ножами с двух- или трёхфигурными композициями в навершии либо без них (Сейма, Турбино II, Ростовка, р. Джумба, из-под г. Омска, Увэр-Хангайский аймак, Центральная Монголия). Галичский локус символизируют кинжалы с фигурно-парциальными рукоятями-навершиями, конструктивно напоминающие протососново-мазинскую форму (Галич, Сейма, Пермь). Елунинские прямолезвийные ножи с парциальными навершиями (Елунино I, Усть-Мута) также не имеют параллелей за пределами Алтая. Совершенно особая форма отличает кинжалы из разрушенного могильника под г. Омском (Ростовка ?) и из г. Шемонаихи [Молодин, Нескоров, 2010, С. 68; Ковтун, 2013, С. 325], один с навершием и оба с семантически значимой орнаментацией клинка и рукояти, соответственно. Наконец, особенной морфологией и территориальной локализацией [см.: Молодин, 2015, С. 98, рис. 1] выделяются сопкинско-каракольские кинжалы с двутавровыми или подовальными рукоятями. Их неординарный статус удостоверяется экземплярами с монофигурными навершиями и связью с образами детей (погребённых, богов, героев, и т.п.) [Ковтун, 2004, С. 277-284; Ковтун, 2013, С. 331-336]. В этой сводке кинжалы сопкинско-каракольского типа адекватны парадигме, присущей всей сейминско-турбинской металлургической традиции и сочетающей унификацию номенклатурного ряда с оригинальностью и даже уникальностью его отдельных образцов.

3. Для сопкинско-каракольских изделий характерно широкое распространение в меридиональном направлении, что отличается от локализации собственно сейминско-турбинских клинков выгнутообушковых форм. Вероятно, это указывает на доминанту транскультурных связей, присущих времени

генерации и / или бытования кинжалов подобного типа. Полагаю, период распространения и ареал данных изделий соотносимы с территориально-хронологическим континуумом Центральноазиатской (Восточноазиатской) металлургической провинции, подлежащей удревнению с карасукского времени до сейминско-турбинской эпохи [Ковтун, 2013, С. 23, 31, и др.]. Сейминско-турбинская атрибуция кинжалов сопкинско-каракольского типа придаёт данной идее существенный аргумент и новые предметные формы. Это соотносится и с концептуальным выводом о вхождении кротовской культуры в северо-восточную оконечность ареала весьма специфичной традиции металлургического производства культур ранней – развитой бронзы Евразии [Молодин, Дураков, Мыльникова, Нестерова, 2012, С. 117].

4. Морфология клинков сопкинско-каракольских кинжалов сопоставима с пропорционально-параметрическими характеристиками перьев сейминско-турбинских копий [Молодин, 1993, С. 9]. Это особенно заметно по ширине клинка одного из сопкинских кинжалов [Молодин, 2015, С. 98], возможно, самого архаичного экземпляра в серии [Ковтун, 2013, С. 323]. Поэтому, в качестве составной части сейминско-турбинского оружейного комплекса [Молодин, 2015, С. 104-105] сопкинские находки могут быть древнейшими среди известных сейчас кинжалов подобного типа. Отмеченное соответствие означает собственно сейминско-турбинские истоки данного типа клинкового оружия, генерация которого, вероятно, восходит к «общей матрице» с сейминско-турбинскими копиями.

Список литературы

Ковтун И.В. Изображение младенца с кинжалом (постсейминский тип кинжалов в контактной зоне Евразийской и Центральноазиатской металлургических провинций) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X. часть I.

Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово, 2013.

Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.

Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник КемГУ, 2015. № 2 (62), Т. 6.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2012. т. 11, вып. 5: Археология и этнография.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2010. № 3 (43).

Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Us lamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results // Radiocarbon, 2015. Vol. 57, № 4.